

Октября 5 (18)

Преподобноисповедник Гавриил (Игошкин)

Преподобноисповедник Гавриил родился 23 мая 1888 года в деревне Самодуровка¹ Пензенской губернии в семье крестьянина Ивана Игошкина. Во святом крещении младенцу нарекли имя Иоанн, потому что в этот день, 23 мая, праздновалась память Ростовского чудотворца – блаженного Иоанна Власатого Милостивого.

Родители его, Иван Павлович и Варвара Павловна, отличались богобоязненностью и простотой. С детства Иоанн познакомился с тяжелым крестьянским трудом, помогая своему отцу в работе.

Родители воспитали сына в заветах строгого благочестия, и посеянное семя принесло добрый плод. Иоанн был старшим сыном в семье. Когда он подрос, его отдали учиться грамоте. Родители смотрели на обучение грамоте как на дело священное: грамота давала ключ к чтению и уразумению Божественных писаний. Приходилось ходить на учебу за десять километров в Русский Качим, – именно там находилось двухклассное духовное училище. Иоанн полюбил храм Божий, в свободное от учебы время посещал его, а дома все свободное время посвящал чтению духовных книг и молитве.

Еще будучи отроком, Иоанн обнаружил склонность к подвижничеству, с годами его ревность к благочестию возрастала все более и более. Закончив учебу, он решил оставить мир с его соблазнами и ушел 12 ноября 1903 года в монастырь Жадовская пустынь Корсунского уезда Симбирской губернии.

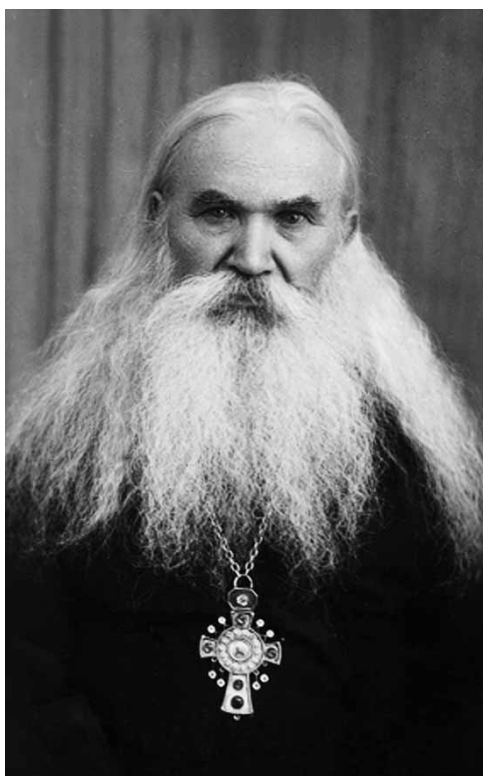
В 1909 году послушника Иоанна призывают на военную службу в город Ковно. В Ковенской крепостной артиллерии на должности певчего при военном соборе он прослужил до конца марта 1913 года. Возвратившись домой, Иоанн вместе с родителями занялся крестьянским трудом, но в 1914 году, в связи с начавшейся Первой мировой войной, был призван в действующую армию, где служил псаломщиком и делопроизводителем при 25-м военном госпитале. В конце 1917 года Иван Игошкин был демобилизован по болезни и вернулся к родителям в Самодуровку. В 1922 году родители его скончались.

В январе 1921 года Иоанн был рукоположен во диакона к Свято-Троицкой церкви города Покровска, а в 1922 году – во священника к тому же храму. В 1922 году архиепископа Уральского Тихона (Оболенского) переводят в Москву, и он забирает с собой священника Иоанна.

С 1922 года отец Иоанн служил вторым священником Покровского храма Марфо-Мариинской обители сестер милосердия, что на Большой Ордынке, основанной в 1908 году преподобномученицей великой княгиней Елизаветой Федоровной. Духовник обители и настоятель Покровского храма архимандрит Сергей (Сребрянский) стал для батюшки живым образцом пастырского служения, и у него он многому научился. Отца Сергея в 1926 году арестовали и сослали. В послевоенное время отец Иоанн, уже сам отбывший многие годы в лагерях,

¹ Ныне село Сосновка.

посетил своего любимого наставника и духовника, который жил тогда в ссылке в селе Владычня Тверской области.

Архимандрит Гавриил (Игошкин)

Отец Иоанн прослужил в храме обители до 1928 года, после его закрытия его перевели в храм святителя Николая в Пыжах.

В 1929 году отец Иоанн принял монашеский постриг в Московском Богоявленском монастыре с именем Гавриил. В 1930 году иеромонах Гавриил был возведен в сан игумена.

Первый раз отца Гавриила арестовали 14 апреля 1931 года, он был осужден и заключен в концлагерь сроком на три года. Срок отбывал в Вишерском лагере Екатеринбургской области. Здесь он пробыл до 29 июня 1932 года, после чего по состоянию здоровья был освобожден досрочно и выслан в город Ростов Ярославской области под наблюдение местного отдела ОГПУ, через полтора месяца отправлен в город Владимир отбывать оставшийся срок ссылки – до декабря 1933 года. По окончании срока ему был выписан паспорт, и он вернулся в Москву, где был назначен настоятелем храма святителя Николая в Пыжах.

В 1934 году игумен Гавриил был возведен в сан архимандрита. В июле 1934 года храм, где служил архимандрит Гавриил, захватили обновленцы, и он перешел служить в храм Воскресения Христова в Кадашах.

19 августа 1934 года в праздник Преображения Господня во время богослужения его арестовали, обвинив в принадлежности к активной контрреволюционной церковно-монархической группировке.

3 октября 1934 года он был освобожден за недоказанностью вины. Вскоре церковь, в которой служил отец Гавриил, была закрыта, и его перевели в храм Покрова Богородицы села Звягино Пушкинского района Московской области. Среди прихожан московских храмов отец Гавриил пользовался большим авторитетом, и многие, несмотря на расстояние, стали ездить в Звягино. Это был

пастырь, просвещенный благодатью Божией, умудренный жизненным опытом, находивший путь к каждому сердцу. Ему были чужды осуждение и равнодушное отношение к людям. После службы в храме, а иногда и дома он проводил духовные беседы, разъясняя Священное Писание.

Отец Гавриил со своими духовными чадами собирал пожертвования для отправки в лагеря высланным священникам.

В октябре 1936 года местные комсомольцы совершили поджог церкви, в которой служил отец Гавриил. Он очень скорбел об этом и говорил о гонении на Православную Церковь со стороны властей, о безнаказанности за поджог. Его перевели в храм Сошествия Святого Духа города Пушкино. 4 ноября 1936 года во время богослужения на праздник в честь иконы Казанской Божией Матери отца Гавриила арестовали, обвинив в контрреволюционной деятельности. Содержался отец Гавриил в Бутырском изоляторе, где на многочасовых допросах спрашивали о священнике Вениамине Воронцове, с которым он служил пять лет в Марфо-Мариинской обители. На вопросы отец Гавриил отвечал уклончиво: «Я с ним не поддерживаю связи». Задавали вопросы и о других священниках и руководителях Марфо-Мариинской обители, в частности о великой княгине Елизавете Федоровне. На все вопросы он отвечал: «Ничего не знаю и общаюсь только с теми людьми, что касается службы в церкви».

В день Рождества Христова – 7 января 1937 года отцу Гавриилу предъявили обвинительное заключение, и 20 января Особое совещание при Народном комиссариате внутренних дел СССР за участие в контрреволюционной группе приговорило его к пяти годам исправительно-трудового лагеря. Отца Гавриила отправили этапом в город Чибью в Коми область.

Отец Гавриил во время пребывания в лагерях претерпел много издевательств. Были случаи избиения чуть не до смерти, выводили в 40-градусный мороз на улицу босиком, где держали по несколько часов. Однажды решили подсыпать ему яд в пищу, но Господь открыл батюшке умысел зложелателей, – он помолился, перекрестил еду и сказал: «Напрасно вы меня травите. Вы мне яду подсыпали. Я съем эту еду, как вы этого хотите, и она не причинит мне вреда». Злоумышленники переглянулись, стали смеяться и ждать, что батюшка умрет. Но с Божией помощью он остался жив и невредим.

Срок заключения закончился в конце 1941 года, но в связи с войной отец Гавриил был освобожден только в июле 1942-го. После освобождения работал в этом лагере до октября 1942 года. В октябре 1942 года он уехал в город Кузнецк Пензенской области к своей сестре Пелагее. Прожив у сестры около месяца, он решил идти пешком в Ульяновск, чтобы получить назначение на службу, так как в Ульяновск была эвакуирована Московская Патриархия во главе с митрополитом Сергием (Страгородским).

По пути зашел к известному в то время блаженному старцу Василию Струеву, проживавшему в селе Копышовка Тагайского района Ульяновской области, чтобы получить от него благословение, как и где ему жить. В дороге он занемог, и старец Василий благословил пожить ему в двух километрах от него в Базарном Урене у престарелых сестер, которые не побоялись принять в свой дом старца. Он пришел в деревню в длинном кафтане, в резиновых галошах на шерстяной носок, завязанных веревкой, как лапти.

Отец Гавриил тайно совершал в их доме Божественную литургию, исповедовал, причащал Святых Христовых Тайн, совершал требы. Частенько бывал у старца Василия в Копышовке, подолгу они вели духовные беседы;

бывало, служил у него в доме литургию, причащая старца и всех желающих. На исповеди говорил так, что все плакали. Отец Гавриил обращался к иконе Спасителя и говорил: «Господи, прими эти слезы покаяния и прости их согрешения». Батюшка сказал однажды: «Я рад, что, живя здесь, успел сказать 33 проповеди». Везде старался он выполнять свой пастырский долг, окормляя верующих.

Архимандрит Гавриил, прожив в Базарном Урене до начала мая 1946 года и немного поправив свое здоровье, обратился с прошением о принятии в клир к епископу Ульяновскому и Мелекесскому Софронию (Иванцову), который назначил его настоятелем церкви в честь иконы Пресвятой Богородицы «Неопалимая Купина» города Ульяновска.

Батюшке была присуща любовь к богослужению, благоговейная строгость в исполнении церковного устава. Божественную литургию он совершал с особым духовным подъемом, со слезами молясь за прихожан. Неотъемлемой частью богослужения считал проповедь. Говорил он проникновенно и убедительно. Поучения его были глубоки по смыслу и вместе с тем доступны пониманию молящихся. Власть, видя, каким он стал пользоваться авторитетом и уважением, решили отказать ему в прописке, и он был переведен настоятелем Никольской церкви в город Мелекесс².

По приезде в Мелекесс он купил небольшой домик, благодаря денежной помощи брата Григория, который проживал в Москве и работал на заводе.

С началом служения отца Гавриила в Никольской церкви духовная жизнь прихожан оживилась. В воскресные и праздничные дни стали проводиться духовные беседы, на которых толковались прочитанные во время литургии главы из Евангелия, изучались молитвы. Батюшка не выдерживал большого напряжения из-за слабого здоровья, поэтому беседы начинались после вечернего богослужения. Духовные беседы проводились по благословению епископа Ульяновского и Мелекесского Серафима (Шарапова). В церковь стало ходить много молодежи и детей. Отец Гавриил, добрый и снисходительный к другим, сам вел строгую монашескую жизнь, имел всецелое послушание своим архиереям и искренне любил их.

Архимандрит Гавриил был необычайно строг к себе, а также к церковному причту, не терпел пьянства и безнравственности. Не всем это нравилось. Некоторые – регент хора, церковный староста, председатель ревизионной комиссии – вели себя неблагочестиво. Приходили в церковь в пьяном виде, устраивали скандалы, деньги из церковной кассы расходовали на свои нужды. Замечания, сделанные батюшкой, им пришлось не по душе, и они стали писать клеветнические письма и доносы в Патриархию, правящему епископу, уполномоченному по делам религии при Ульяновском облисполкоме и в органы государственной безопасности. Батюшка сам обращался к архиерею с просьбой о переводе на служение в другую церковь, но получил отказ.

Регент хора написал очередной донос на батюшку, и 8 июня 1949 года отец Гавриил был арестован сотрудниками государственной безопасности во время богослужения. Прихожане все плакали. Когда его вывели из церкви, арестовывавшие остановили проезжавшую автомашину с углем и с насмешкой посадили батюшку на нее, чтобы довезти его до отдела милиции. Многие прихожане бежали за машиной со слезами, чтобы получить благословение и попрощаться с ним. Когда машина подъехала к милиции, батюшку было не узнать

² Ныне город Димитровград.

– он был весь черный от угольной пыли. Сразу подошли верующие, и им было сказано с усмешкой: «Вот сидит ваш поп». Одна верующая, Анна, осмелилась подойти ближе к машине и с сожалением спросила: «Отец Гавриил, за что вас так?» А он отвечал: «За грехи, люди нашлись и написали клевету. Последний мой суд будет». А когда он слез с машины, народ стал подходить к нему под благословение, но милиция не допустила.

Отца Гавриила сначала поместили в мелекесскую тюрьму, а 9 мая перевели во внутреннюю тюрьму управления Министерства государственной безопасности по Ульяновской области.

Архимандрита Гавриила обвинили в том, что он является враждебно настроенным к политике коммунистической партии и советского правительства, среди верующих на протяжении ряда лет проводит антисоветскую пропаганду. Возглавляемую им мелекесскую церковь превратил в духовную школу, в которой в праздничные и воскресные дни после церковной службы с верующими проводил собеседования, беседы по изучению молитв, привлекал к церкви молодежь и детей школьного возраста. В одной из проповедей сказал: «Родители, чтобы не допустить детей к неповиновению, нужно им всегда внушать слово Божие. Утром встанет дитя – заставить его молиться, приучать к страху Божию, тогда дети будут расти послушными». Игнорировал марксистско-ленинские науки. Во время церковной службы упоминал врага революционного движения отца Иоанна Кронштадтского.

По поводу «антисоветской настроенности и агитации» отец Гавриил ответил: «Настроен я религиозно, я человек верующий, антисоветской агитацией никогда не занимался. Нигде и никто не слышал от меня враждебных слов в адрес советской власти и ее вождей. Сборы не собирал, проповеди говорил только в церкви, призывал верующих к честному труду и исполнению своих гражданских обязанностей, заботе о семье и быть полезным членом общества и государства».

На обвинение в том, что он игнорирует науку, ответил: «Это неправда, науку я люблю и всю жизнь учусь и другим советую учиться, ибо учение – свет, а неучение – тьма. Наука облагораживает человека и облегчает ему жизнь. Пред людьми науки я преклоняюсь и превозношу их имена, труды и открытия. О сотворении на земле жизни и человека говорил, как написано в Святом Писании, по-другому и не мог сказать... Проповеди произносились в строго церковном духе, ни в какой мере не касался политики. А остальное, что говорят так называемые свидетели, это клевета».

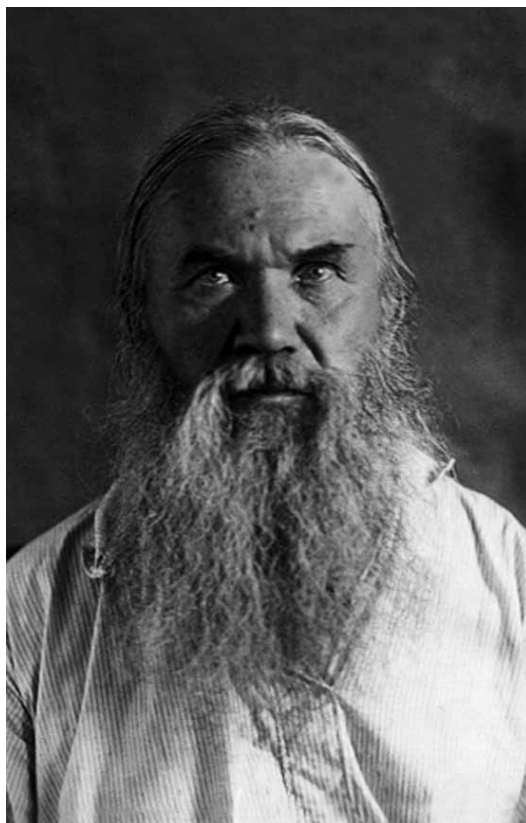
29 декабря 1949 года областной суд приговорил его к 10 годам лишения свободы. Этапом в товарном вагоне в лютую январскую стужу отец Гавриил был отправлен в лагерь в город Мариинск Кемеровской области.

По прибытии в лагерь его поселили в бараке, где содержались уголовники-рецидивисты. Когда надзиратель первый раз вел отца Гавриила в камеру по длинному коридору, батюшка несколько раз, из-за одышки и сильной сердечной боли, просил отдохнуть. Надзиратель внимательно смотрел на батюшку и думал, что в первую же ночь убьют его, ведь без убийства не проходило ни одной ночи. Когда открыли дверь камеры, батюшка вошел туда и возгласил: «Мир вам!» Отец Гавриил сразу сказал, что он священник, и попросил разрешения помолиться. Сначала сокамерники возмутились, но потом как-то притихли и стали слушать молитву, в которой отец Гавриил поминал всех страждущих и озлобленных... В лагере отец Гавриил продолжал свое пастырское служение: вел беседы с заключенными, исповедовал, отпевал умерших. Все это запрещалось лагерным

начальством, и за нарушение полагался карцер, поэтому богослужения совершались в строжайшей тайне.

В Мариинский лагерь отцу Гавриилу приходило от его духовных чад много посылок с продуктами, которыми он оделял всех живущих вместе с ним. Делить продукты в камере доверяли только отцу Гавриилу, как старшему. Зачастую он отдавал свой кусок хлеба самым истощенным из собратьев по несчастью, лечил обмороженных.

4 сентября 1953 года отец Гавриил написал очередную жалобу в Верховный суд СССР, в которой просил отменить решение Ульяновского областного суда как незаконное и построенное на клеветнических показаниях свидетелей.

*Архимандрит Гавриил (Игошкин)
Ульяновская тюрьма. 1949*

Отец Гавриил оставил большое духовное наследие – это и проповеди, и многочисленные письма, и повести. В одной из них, «Беседа двух старцев», батюшка описывает случай, который произошел в лагере: «Однажды под давлением всего пережитого я лег на свое убогое ложе с намерением скорее заснуть. Измученный переживаниями целого дня, я действительно в ту же минуту погрузился в глубокий сон.

Увидел я себя стоящим в конце площадки перед баракom. Одноэтажный длинный барак тянулся с северо-востока на юго-запад, перед ним была небольшая площадка, где в свободное время гуляли заключенные. День был пасмурный, но дождя не было. Я стоял на конце площадки с южной стороны. Там стояли и другие, преимущественно старики, народу было немного. Окинувши взглядом площадку, я посмотрел и на барак, и дальше на запад. Взор мой прикован был чудным видением. Низко на облаках плыла величественная женщина – Монахиня, одетая во все черное и с черным апостольником на голове.

Взор Ея блистал, лицо светилось, красоты было неопишимо. Величественно Она плыла по воздуху и плавно опустилась на середину площадки к стоящему народу. В мыслях у меня промелькнуло, что это Матерь Божия пришла посетить нас, скорбящих, и подать утешение в печали. Скорыми шагами я направился к Ней, но здесь глазам моим представилась другая – жуткая картина. Недалеко от того места, где Она опустилась, далее к востоку среди народа стоял огромного роста бурый медведь. Он стоял, как копна, вернее, сидел на задних лапах с вытянутыми вперед передними лапами. Я задрожал от испуга, что этот великан-зверь растерзает Монахиню. Она же шла прямо на него. И что же? Она не дошла до него. Как только увидел Ее этот страшный великан-зверь, рассыпался, как прах, исчез бесследно. Не убежал, не спрятался и не скрылся куда-либо, но рассыпался в прах и исчез, не оставив после себя никакого следа, так что никаких признаков его существования на площади не осталось.

Матерь Божия двигалась по тому же направлению, как и вначале, то есть дальше на восток. Народ подходил к Ней, и Она каждого благословляла, что-то давала каждому в руку. Все с радостью спешили к Ней получить благословение и получить во утешение то, чем Она оделяла всех. Спешил и я, но вследствие того, что я стоял на самом конце площадки, скоро не мог подойти, и тем более когда весь народ тесным кольцом окружил Ее со всех сторон. Когда подошел я к первым получившим от Нее гостинцы, спросил: что Она раздает? Один благообразный старичок показал мне только что полученную от Нее круглую небольшую лепешечку размером, видом и цветом наподобие печенья; разломивши пополам, старичок половину отдал мне. С радостью я взял как дар и благословение Матери Божией, а сам употреблял все меры, чтобы самому подойти и лично получить от Нее благословение и гостинец. Но сего по моим грехам не удостоился, ибо, только я получил половину лепешечки, врученную мне старичком как небесный дар, как благодать Божию, как небесный хлеб, данный людям в благословение, освящение и подкрепление духовных и телесных сил, я с благоговением принял его во уста и тут же проснулся, чувствуя сладость во устах.

Проснулся я с большим сожалением, как бы потерявши сокровище и драгоценности, не удостоившись лично получить от Матери Божией то, чем Она утешала многих. Я сокрушался и был в великой печали, что по своим грехам не удостоился получить благословение. Во время такого печального раздумья меня осенили отрадные мысли. В них слышался мне как бы голос, отрадный голос Самой Матери Божией, ласково и непонятно откуда раздававшийся в ушах моих: “Не печалься, – вещал сей таинственный голос, – видение сие для тебя не окончено, а только прервано, оно продлится для тебя в самой жизни. Ты идешь и стремишься получить благословение и милость. Не ослабевай, терпеливо продолжай путь, вместе с благословением получишь милость и дар”. Настоящие мысли ободрили меня.

Хотя лично я не удостоился получить от Матери Божией гостинец, которым Она оделяла подходящих к ней, однако и не лишен был благодатного утешения, которое получил через старичка в виде половины сладостного печенья. И оно имело для меня пророческое значение, а именно: я пробыл в лагере на этот раз половину срока, данного мне, после которого я удостоился уже наяву получить благословение на возвращение домой, как вещал мне сей таинственный голос, и дар освобождения».

Отец Гавриил даже в трудные лагерные годы не нарушал постов, как бы ему это трудно ни было. Ольга, отбывавшая с батюшкой свой срок и работавшая на кухне в лагере, любила повторять, что отец Гавриил из тюрьмы сделал тайный монастырь. Как-то подошел отец Гавриил к Ольге и предрек скорое освобождение, так как она была осуждена, будучи совершенно невиноватой, как вскрылось позже. Она заплакала: «Батюшка! Не хочу уходить от вас». Он в ответ: «Мы еще увидимся...» И действительно, после освобождения Ольга переехала в Мелекес и купила домик на улице Неверова, на которой жил батюшка. Позже, когда отец Гавриил был освобожден, они и встретились на этой улице.

Начальник лагеря относился к отцу Гавриилу с большим уважением. У него тяжело болела жена, обошла всех врачей и к профессорам обращалась, но помощи ни от кого не получила. И тогда он стал просить отца Гавриила, чтоб он полечил жену. «А как лечить? Идите к врачу». – «Пользы нет!» – «А я ведь молюсь и прошу у Господа, чтоб исцелил болящего». – «А я это и прошу вас». Начальник пригласил отца Гавриила домой. Он жил у него две недели. И по молитвам отца Гавриила его жена получила от Господа полное исцеление. Теперь и начальник стал хлопотать о его досрочном освобождении. И вот 3 октября 1954 года состоялось заседание Кемеровского областного суда, на котором было вынесено определение о досрочном освобождении отца Гавриила по болезни, и он был освобожден из-под стражи 23 октября, отбыв половину срока.

Находясь вдали от духовных чад, архимандрит Гавриил поддерживал их молитвенно, не оставлял без пастырского попечения, хотя сам находился в несравненно более тяжелом положении. Он постоянно присылал в своих письмах наставления и проповеди. Свои письма он начинал, испрашивая милость, мир и благословение на всех словами: «Возлюбленные о Господе чада, боголюбивые братия и сестры!.. Возлюбленные чада, не меняйте свои сокровища духовные на страсти и пороки, делами милосердия отправляйте их в страну вечности, там они будут вашим богатством духовным. Украшайте свои души добрыми делами, чтобы быть достойными Небесного Жениха Иисуса Христа. Тогда, как отправитесь в путь и пришедше в страну вечной жизни, услышите от Него радостный призыв: придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное от создания мира». Он призывал хранить верность Богу во всех обстоятельствах жизни.

Трижды судимый, отец Гавриил пробыл в лагерях в общей сложности семнадцать с половиной лет, но никогда не жаловался на ужасы лагерной жизни. О себе он почти ничего не говорил, хотя все знали, какая судьба выпала на его долю, а он все это воспринимал как испытание его в вере и любви к Богу. Только говорил: «На все воля Господня. Слава Богу за все!» Он непоколебимо верил в благой Промысел Божий о каждом человеке, в Покров Царицы Небесной над каждым из нас, безропотно и мужественно переносил страдания все долгие годы заключения. Он говорил: «Я рад, что Господь сподобил меня пострадать вместе с моим народом и потерпеть сполна все скорби, которые не единожды выпали на долю православных; испытания посылаются человеку от Бога и необходимы для его очищения и освящения».

После освобождения из лагеря архимандрит Гавриил вернулся в Мелекес. Дом его был конфискован. И он пошел в церковь, надеясь на добрых людей. Многие боялись пригласить к себе батюшку. Но вот нашлась добрая душа Евдокия Васильевна, которая не побоялась принять отца Гавриила, хотя домик ее был небольшой и в семье четыре человека.

6 января 1955 года Президиум Верховного суда РСФСР рассмотрел жалобу отца Гавриила и постановил: приговор Ульяновского областного суда от 29 декабря 1949 года и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 23 февраля 1950 года в отношении Игошкина И.И. отменить и дело производство прекратить, из-под стражи освободить, полностью реабилитировать.

Начались хлопоты по поводу конфискованного дома, который вскоре был возвращен. В знак благодарности к Евдокии Васильевне и ее семье отец Гавриил пригласил жить в свой дом ее и всю ее семью, так как их дом был ветхим, сказав: «Будете за мной ухаживать, я человек больной, долго не проживу, а дом подпишу на вас». Так он и сделал.

Батюшка вернулся после лагеря именно в Мелекесс, как он сам говорил, молиться за своих врагов, строго следуя заповедям Божиим. Пастырь, которому было свойственно полное самоотвержение ради ближнего, безграничная любовь к несчастным, больным, душевно и телесно страждущим, не знал покоя ни днем, ни ночью и еще при жизни был прославлен Богом даром прозорливости и исцеления.

После освобождения, пока позволяло здоровье, архимандрит Гавриил несколько раз бывал в Москве. Очень скорбел о том, что храмы, в которых он служил, были закрыты и там царили мерзость и запустение.

После лагеря отец Гавриил не служил в церкви из-за слабого здоровья, служил Божественную литургию у себя дома.

Отец Гавриил последний раз посетил родные пензенские места в июне 1956 года. Молва о приезде батюшки быстро облетела близлежащие села. Всем хотелось увидеть его и получить духовное наставление и благословение. Он всех принимал и внимательно выслушивал. Обойдя пешком села Сыреси, Самодуровку, Шугурово, Шкудим, Качим, где проживали его родные, в их домах служил Божественную литургию, причащал Святых Христовых Тайн немощных и больных. Служил молебны, совершал крещения, служил панихиды на могилах, и все это делал при большом стечении верующих. С великой радостью вместе со своими односельчанами совершал молитвы, призывая на них милости Божии. Тогда же совершил последнюю панихиду на могиле родителей.

Годы земной жизни старца завершались. Душа его постоянно пребывала в молитве, в ней он черпал силы. Он благодарил Бога за все полученные от Него милости, оплакивал все свои прегрешения, готовился к переходу в горний мир. Состояние здоровья ухудшилось. С каждым днем телесные силы слабели. До последнего часа были вокруг него его чада. За три дня до смерти он видел необыкновенный свет и в нем Господа и разговаривал с Ним.

В воскресенье 18 октября 1959 года батюшка отслужил Божественную литургию, причастился Святых Христовых Тайн. Как и всегда, во время «Тебе поем» очень сильно плакал. В течение дня много писал, вечером отслужил всенощную. После нее вышел на улицу немного погулять, затем был ужин, но когда ему принесли еду, он попробовал две ложки и отказался. Попросил прочитать акафист «Иисусу Сладчайшему», слушал лежа, и вдруг стал говорить: «Грудь давит и тяжело дышать».

Предчувствуя смерть, попросил прочитать «Канон при разлучении души от тела». Стал прощаться со всеми, велел крестить его с головы до ног, окинул взглядом все четыре стороны света и почил, как бы тихо заснув.

Отец Гавриил был похоронен на городском кладбище. 5 (18) октября 2000 года состоялось обретение мощей преподобноисповедника Гавриила, которые ныне покоятся в Никольском соборе города Димитровграда.

Протоиерей Максим Максимов

Библиография

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Сентябрь-Октябрь». Тверь, 2003 год, стр. 112-128.